
У ИСТОКОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

И.Р. Чикалова

В статье рассматриваются контексты и содержание первых мероприятий европейских государств в области социальной политики: введение ограничительных норм рабочего времени, запрещение ночных смен для женщин и несовершеннолетних; предоставление отдыха по церковным праздникам и еженедельного выходного дня; установление женщинам непрерывного 36-часового отдыха, а также до- и послеродового отпуска; выплата пособий по болезни, инвалидности, безработице, пенсий по возрасту; выделение ассигнований на жилищное строительство и др. В то же время отдельные направления социальной политики (помощь бездомным, сиротам, деклассированным) оставались областью деятельности многочисленных филантропических организаций. Хотя социальная помощь конца XIX – начала XX веков была недостаточной как по размерам, так и по охвату ею населения, были созданы предпосылки для дальнейшего ее развития: первоначальные законодательные акты дополнялись и совершенствовались, пока в результате не сложилась эффективная система социальной защиты населения.

Ключевые слова: социальная политика, фабричное трудовое законодательство, страхование от несчастных случаев, страхование по болезни, страхование по инвалидности, страхование по безработице, заработная плата, жилищная политика, «Regum novarum», Армия спасения

Контексты, предпосылки и условия

Промышленная и аграрная революция XIX века оказала огромное воздействие на социальные процессы в Европе. С одной стороны, быстрорастущая промышленность и обслуживающий сектор предоставляли множество новых производственных мест. С другой стороны, в результате аграрной революции часть сельского населения, которая не смогла ни сохранить свои

хозяйства, ни стать арендаторами, превращалась в свободную наемную силу с перспективой либо стать безземельными сельскохозяйственными рабочими, либо оторваться от земли и мигрировать в города в поисках работы в сельскохозяйственном секторе экономики. В результате быстрый рост городского населения и внутренняя миграция в XIX веке стали практически повсеместно массовым явлением в Европе. Например, население Парижа с 1800 по 1850 год выросло более чем на 92 %, при этом на долю выходцев из других районов Франции приходилось свыше 88 %. В горной и сталелитейной промышленности Рура преобладали рабочие сельского происхождения [Международное... 1976. С. 120–121]. В Берлине в 1885 году иногородними были 81 % работавших в сфере обеспечения города продуктами, 83,5 % работавших в строительстве и более 80 % занятых транспортными перевозками [Хобсбаум, 1999б. С. 275]. В начале 1840-х годов около 400 тыс. жителей Англии, Шотландии и Уэльса были выходцами из Ирландии [История Ирландии, 1980. С. 188, 209]. В целом с 1880 по 1914 год 60 млн европейцев переселились из деревень в города [Кертман, Рахшмир, 1984. С. 13]. Это привело к тому, что в них стала концентрироваться значительная часть населения: к 1910 году, например, в Англии – 75 %, в Германии – 49 % и во Франции – 39 % [От аграрного... 1998. С. 209]. Квалифицированные мастера-исчезавших мануфактур, бесповоротно разорившиеся ремесленники, потерявшие работу подмастерья, обезземеленные крестьяне – все эти социальные группы должны были искать заработок на фабриках, шахтах, железных дорогах, стройках, то есть становиться наемными рабочими.

На рост городов решающее воздействие оказала концентрация в них фабричного производства. Одним из них стал Манчестер, превратившийся в крупнейший центр хлопчатобумажной промышленности. В 1786 году, по словам современника, над домами этого города возвышалась лишь одна труба фабрики Ричарда Аркрайта. Но уже через 15 лет в Манчестере насчитывалось свыше 50 бумагопрядильных фабрик. Соответственно росло и население: в 1790 году оно насчитывало всего 50 тыс., а к 1900 году увеличилось в 10 раз [Кулишер, 1931. С. 352; История Европы... 2000. С. 298]. В 1811 году завод во французском городе Крезе обслуживали 230 человек – тогда это было самое большое предприятие страны. С 1837 года его владельцем стал основатель знаменитой династии промышленников Адольф Шнейдер. Спустя 8 лет он подводил итог развития своей фабрики: «Персонал в 4 300 рабочих, занятых внутри завода; весьма значительное количество лиц, работающих постоянно или временно вне завода для эксплуатации недр или на транспорте, равное 1 200 человекам, занятым круглый год и, таким образом, составляющим, вместе с женами и детьми, от 16 до 17 тыс. человек, живущих исключительно заводским заработком» [цит. по: Потемкин, 1971. С. 416]. Город Эссен в Руре, колыбель династии «пушечных королей» Круппов, был в 1800 году небольшим местечком с 4 тыс. жителей, а в 1900 году в нем проживали до 300 тыс. человек. К концу XIX века населе-

ние Лондона достигло 4 млн 700 тыс., Парижа – 3 млн 600 тыс., Берлина – 2 млн 700 тыс. человек. Число жителей Глазго, Москвы и Санкт-Петербурга превысило миллион, а еще 16 европейских городов насчитывали более полумиллиона жителей [История Европы... 2000. С. 298]. Крупные города не только сосредоточили индустриальное производство, но со временем превратились в административные и культурные центры, стали транспортными узлами с широко развитой торговой и бытовой инфраструктурой.

Индустриализация сопровождалась интенсивным ростом числа наемных рабочих. В Германии количество рабочих, занятых в строительстве, добывающей и обрабатывающей промышленности, всего за 12 лет, с 1895 по 1907 год, увеличилось на 2 млн 560 тыс. человек. В других странах наблюдалась подобная же тенденция. Промышленность, строительство, транспорт и связь сконцентрировали наиболее многочисленную, а иногда и большую, часть населения своих стран: в Бельгии (по переписи 1910 года) – 54 %, в Великобритании (1911 год) – 51,5 %, в Германии (1907 год) – 43,7 %, во Франции (1911 год) – 36,5 % [Дживилегов, 1910]. Источниками формирования рабочего класса стали собственное воспроизводство и внутренняя миграция сельского населения. Дети рабочих в большинстве случаев если и не наследовали профессию родителей, то все же оставались в своей социальной среде. К концу XIX века около 70 % трудящегося населения городов с численностью населения более чем 100 тыс. человек было занято в промышленности [Хобсбаум, 1999а. С. 169].

Урбанизация и рост свободной наемной силы чрезвычайно обострили социальные проблемы. Пока центры фабричного производства были относительно небольшими, городской житель мог хотя бы ограниченно заниматься сельским хозяйством: если он был выходцем из близлежащей деревни, то мог обрабатывать огород, а в случае потери работы наняться на ферму. Но с ростом городов таких возможностей становилось все меньше. Как заметил Ф. Бродель, «жить в городе, лишиться традиционной поддержки огорода, молока, яиц, птицы, работать в огромных помещениях, терпеть малопривычный надзор мастеров, повиноваться, не быть более свободным в своих передвижениях, принять твердо установленные часы работы – все это в ближайшем будущем станет тяжким испытанием» [Бродель, 1992. С. 297]. У рабочих не было никаких сбережений. Вплоть до 60–70-х годов XIX века доминировало убеждение, что они должны зарабатывать как можно меньше, но при этом быть дисциплинированными и сохранять лояльность к работодателю. Нелегкой задачей было овладение навыками работы, большей частью самостоятельно или, в лучшем случае, через наставничество. Жизнь протекала в перенаселенных домах. Мигрировавшим в города сельским жителям приходилось ломать складывавшиеся веками традиции и стереотипы, приспосабливаться к непривычным условиям городского быта. Недавние крестьяне в городах сталкивались с совершенно иной средой обитания, оказавшись наедине со своими проблемами, лишившись поддержки деревенского схода.

Развитие капиталистического хозяйствования в результате промышленной революции привело к витку экономического расслоения общества, следствием которого явилось не только ухудшение положения городских низов, но и рост числа полностью неимущих¹. Например, в Англии середины XIX века живших в нищете или не имевших никаких доходов было около 3 млн человек. В бедственном положении находились, например, рабочие, покинувшие деревню и вынужденные от безвыходности соглашаться на любые условия заводского труда. В одном из описаний, появившемся в 1851 году, говорится: «Как, например, живет рабочий народ в Манчестере? Рабочие, занятые на хлопчатобумажных фабриках, встают в 5 часов утра, работают на фабрике с 6 до 8 часов, потом... пьют жидкий чай или кофе с небольшим количеством хлеба... и вновь работают до 12 часов, когда дается часовой перерыв на обед, состоящий обычно из вареного картофеля у тех, кто получает низшую заработную плату... Те, кто получает высшую заработную плату, присоединяют к этому мясо – по крайней мере, три раза в неделю. По окончании обеда они вновь работают на фабрике до 7 часов вечера или позже, затем вновь пьют чай, часто с примесью спирта и с небольшим количеством хлеба. А некоторые второй раз едят вечером картофель или овсянку... Питающееся таким образом население живет скученной массой в домах, отделенных узкими, немощеными, зараженными улицами, в атмосфере, пропитанной дымом и испарением большого мануфактурного города. А в мастерских они работают в течение 12 часов в день в расслабляющей, разгоряченной атмосфере, часто насыщенной пылью от хлопка, с нечистым воздухом от постоянного дыхания или от других причин, – будучи при этом заняты делом, поглощающим внимание и требующим неослабной затраты физической энергии в соперничестве с математической точностью, беспрестанным движением и неистощимой силой машины... Домашним хозяйством рабочие пренебрегают, домашний уют им неизвестен... помещения грязные, неудобные, непроветривающиеся, сырые...» [цит. по: Джонстон, 1925. С. 25–46] Аналогичные условия существования беднейшего, низшего класса городского населения были в знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном за величину и богатство, но где «от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы – в погребках, не имеющих вовсе стока...» [Там же. С. 46].

¹ «Если можно одним словом сформулировать, что определяло жизнь рабочего в XIX веке, – писал Э. Хобсбаум, – этим словом будет “нестабильность”. Они никогда не знали в начале недели, сколько денег принесут домой в ее конце. Они не знали, как долго проработают на своем месте или, если потеряют его, сколько времени им потребуется на то, чтобы найти другую работу и на каких условиях. Они не знали, когда несчастный случай или болезнь лишат их трудоспособности и, осознавая, что когда-нибудь, возможно в сорок лет для неквалифицированных рабочих или в пятьдесят лет – для квалифицированных, они будут не в состоянии вынести ту физическую нагрузку, которая необходима для продолжения работы на своем месте, они не представляли, что будут делать с этого страшного момента до конца жизни» [Хобсбаум, 1996. С. 308].

И даже на рубеже веков условия жизни английских низов ужасали современников. Исследование Ч. Бута «Жизнь и труд населения Лондона» рисует страшную картину нищеты: 30,7 % четырехмиллионного населения Лондона относятся к подразделенной им на четыре разряда бедноте [Booth, 1970. Р. 20–21]. И другие исследования, в частности проведенное С. Раунтри в Йорке, показывали, что проблема существования большого процента неимущих, описанная Бутом, характерна не только для столицы, но и для провинциальных городов страны.

Сложившаяся ситуация широкого общественного недовольства, пронувшееся чувство «социального стыда» за бедствия трудящихся, стремление уменьшить политическую нестабильность заставляли прогрессивно мыслящих интеллектуалов, а за ними и политиков выступать в поддержку разработки социальных программ для неимущих. Первым результатом попыток разрешения проблемы занятости, социальной помощи неимущим в Англии явился знаменитый закон о бедных 1834 года, который изъял у местных приходов право выдавать пособия и передал их государственным органам на содержание работных домов. В эти заведения в принудительном порядке помещали всех, признанных пауперами, независимо от того, была ли нужда вызвана временной безработицей, болезнью или преклонным возрастом. В них был введен самый тяжелый режим, с целью заставить бедняков из страха попасть в работный дом искать работу на фабриках. Поскольку закон исходил из предпосылки, что бедность порождается «мошеничеством, ленью и расточительностью», содержание в работном доме рассматривалось как наказание. Условия жизни здесь были сродни тюремным: грубо и плохо приготовленной пищи не хватало, детей отделяли от родителей, супружеские пары разъединяли, без письменного разрешения не допускались свидания даже с родственниками, всех трудоспособных обязывали работать. Новую систему, несмотря на массовое сопротивление, ввели по всей стране. Создание работных домов не решило проблему бедняков. Многие предпочитали влачить жалкое существование, страшась одной лишь мысли попасть в это заведение. Так продолжалось на протяжении всего XIX века.

До изобретения газовой горелки продолжительность рабочего дня на предприятиях зависела от естественного освещения. Применение же газовых горелок позволило не связывать работу с естественным светом. Более того, фабрики получили возможность работать в ночное время. Во Франции многие бумагопрядильные фабрики в 1840-х годах установили рабочий день в пределах 13,5–15 часов, из которых на отдых выделялось по получасу три раза за смену. В дни революции 1848 году под нажимом рабочего движения Временное правительство в марте 1848 года приняло декрет, который уменьшил продолжительность рабочего дня до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции. Однако правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 года расширило границы рабочего времени до 12 часов, причем из этого правила допускалось множество исключений. В жизни этот декрет выполнялся мало.

На английских фабриках в 1820–1840-х годах рабочий день за вычетом трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и по 20–30 минут на завтрак и ужин) длился 12–13 часов. Распространенной становилась работа по воскресным дням. Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска никому не предоставлялись. Однако внедрение машин с течением времени заставило изменить отношение к проблеме рабочего времени. Поначалу рабочие соглашались на установленные предпринимателями требования 12-часового рабочего дня и лишь со временем начали добиваться ее сокращения. В Англии движение за 10-часовой рабочий день уже в 1830 году охватило рабочих всех фабричных районов страны. С 1880-х годов требование 8-часового рабочего дня стало одним из главных в забастовочном движении европейских стран. Не сразу эта борьба привела к реальному результату, но последовательно подтачивала сопротивление предпринимателей и правительств, пока не вынудила их к законодательной регламентации трудовых отношений.

Внедрение машинной техники допускало использование элементарно обученных, малоквалифицированных работников, а это позволяло заменять мужчин женщинами. Пути, методы и условия инкорпорирования женщин в производственную сферу в разных странах принципиально не отличались. Предприниматели рекрутировали в основном молодых незамужних женщин. Работа на предприятиях была сегрегирована по полу: например, на текстильных фабриках мужчины работали надзирателями и квалифицированными механиками, а женщины обслуживали прядильные и ткацкие станки, получая зарплату во всех случаях ниже, чем у самого низкооплачиваемого мужчины. Обобщенные данные по промышленности разных стран также свидетельствуют об экономической дискриминации женщин. Женский труд повсеместно оплачивался ниже мужского даже там, например, где женщина выполняла одинаковую с мужчинами работу. Это касалось служащих железных дорог и почты, учительниц. В этом отношении предприниматели ничем не отличались ни от государства, ни от общины.

В условиях распространения машинного производства на фабриках повсеместным и массовым явлением стал дешевый детский труд. Множество вспомогательных операций, которые могли выполнять дети, привело к вытеснению квалифицированных мастеров, число которых среди рабочих-мужчин в середине XIX века едва превышало 10 % [Международное...1976. С. 129]. Однако эксплуатация детей не была исключительным следствием промышленной революции. Дети во множестве трудились в кустарном производстве и на мануфактурах. Когда же технология машинного производства позволила расширить сферу приложения детского труда, предприниматели не преминули воспользоваться представившейся возможностью, тем более что власти это поощряли, а родители мирились – чаще из-за нищеты, а подчас и в силу сложившихся условий и традиций. Высокая доля детского труда характерна для всех стран, вставших на путь фабричной организации

промышленности. В 1839 году 46 % фабричных рабочих Великобритании не достигли 18-летнего возраста [подсчитано по: Энгельс, 1984. С. 350]. В это число входили и малолетние дети. Официально признавалось: «Бывают случаи, что дети начинают работать с 4-х лет, иногда с 5, 6, 7 и 8 лет в рудниках» [Ностиц, 1902. С. 334]. В Бельгии на главной прядильной фабрике Брабанта по данным за 1843 год трудились 318 рабочих, в число которых входили 26 детей от 9 до 12 лет. На тюлевой фабрике этого города было 70 рабочих, в том числе 30 девочек в возрасте от 8 до 12 лет. Прядильные фабрики города Акоста принимали даже семилетних детей, в Монсе поступали точно так же. Уже тогда местная торговая палата считала это злоупотреблением [Шлепнер, 1959. С. 29]. В 1840 году во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11 114 детей в возрасте от 4 до 12 лет [Потемкин, 1971. С. 13]. К концу XIX века в европейских странах количество несовершеннолетних фабричных рабочих не стало меньше. Широкое использование детского труда привело к тому, что в начале 1850-х годов прошли школьное обучение в Англии только каждый 11-й житель, во Франции и Пруссии – каждый 6-й, в США – каждый 5-й, в Швейцарии – каждый 4-й [Орлова, 2002. С. 52].

Начало фабричного законодательства

В разных странах трудовое, а фактически фабричное, законодательство на государственном уровне берет начало с регламентации детского труда. Началом *английского* законодательства, регулировавшего детский труд, считают закон 1802 года¹. За ним последовал ряд других, принятых в 1816, 1819, 1833, 1844 годах. Последний впервые признал одновременно необходимость защиты труда женщин старше 18 лет, для которых установили одинаковые с подростками нормы рабочего времени. Следующие парламентские акты (1847, 1850, 1853 годы), вводя определенные ограничения, касались только текстильной промышленности.

Перелом наступил в 1860–1864-е годы, когда сферу применения фабричного законодательства расширили за счет отраслей с господством ручного труда: белильного, красильного, кружевного, чулочного производств, гончарных, спичечных, обойных, патронных фабрик, горных предприятий, пекарного и тубочистного промыслов.

Венцом фабричного законодательства той эпохи в Англии явился закон 1867 года, распространивший охрану труда на металлургические, машиностроительные и бумажные фабрики, а равно на все предприятия с числом рабочих более 50, если они были заняты на работе не менее 100 дней в году.

¹ Строго говоря, самый первый шаг в сфере охраны детского труда был сделан в 1747 и 1792 годах, когда мировым судьям предоставили право отнимать учеников у тех мастеров, которые плохо с ними обращались.

Этим был реализован новый принцип, который исходил из необходимости охраны любого труда, независимо от характера производства. Рабочий день подростков 13–18 лет и женщин старше 18 лет устанавливался в 10,5 часов в первые 5 дней недели и 7,5 часов в субботу при том, что работа должна совершаться с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывами для еды в 1,5 часа, которые должны предоставляться всем рабочим в одно время. Не допускался ночной труд. На фабрики могли принимать детей с 9-летнего возраста. Рабочий день малолетних рабочих 9–13 лет устанавливался в 6,5 часов. Запрещался детский труд в ночное время. Все дети были обязаны ежедневно не менее 2 часов проводить в школе. Учреждалась фабричная инспекция с правом контроля предпринимателей и привлечения их к ответственности за нарушение фабричных законов.

Одновременно была признана необходимость обучения детей. Руководитель Отдела образования¹ Форстер аргументировал необходимость реформы образования следующим образом: «От немедленной организации начального образования зависит наше промышленное благополучие. Если большинство наших рабочих останется и впредь необученными, то мы скоро погибнем в международной конкурентной борьбе. От немедленной организации образования зависит и наша национальная мощь» [цит. по: Петряев, 1958. С. 192]. По принятому в 1870 году «Акту Форстера о начальной школе» вся Великобритания разделялась на школьные округа, в которых налогоплательщики избирали школьные советы. Они пользовались довольно широкими полномочиями: там, где не хватало школ, они могли открывать новые, взимать местный школьный налог, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет обязательным и бесплатным. В 1880 году неопределенность в отношении обязательности посещения школы устранили, предписав обязательность обучения всех детей с 5 лет. Предельный возраст, но не старше 13 лет, устанавливали школьные советы. С 1891 года все школы стали получать субсидии в размере 10 шиллингов в год на каждого ребенка, что сделало начальное обучение фактически бесплатным. О результатах школьной реформы можно судить по тому, что с 1873 по 1893 год число мужчин, не умевших подписаться при бракосочетании, уменьшилось с 18,8 до 5 % и женщин – с 24,5 до 5,7 % [Галеви, 1937. С. 128]. В 1902 году парламент принял новый закон о народном образовании. Он передал дело просвещения в руки советов графств, которые создавали комитеты по народному образованию. Их компетенция распространялась на все начальные и средние школы. Впервые в истории Англии среднее образование стало делом государства. Социальные последствия этого выразились в возможности для менее обеспеченных людей дать детям за умерен-

¹ В 1839 году при Тайном совете образовали первое в Англии ведомство просвещения – Комитет по образованию. В 1856 году в составе правительственного аппарата учредили Отдел образования как орган практической деятельности Комитета по образованию.

ную плату или даже бесплатно такую же общеобразовательную подготовку, какую получали дети джентри и крупных буржуа. Кроме того, закон устранил существовавшие до тех пор различия между государственными и частными, фактически церковными, школами.

И в государствах *Германии* фабричное законодательство берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института выступили наиболее решительно за его ограничение. Один из них – школа, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, а следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. Вторым поборником ограничения детского труда выступило военное ведомство, обеспокоенное недобором в армию, который связывался с ранним вовлечением детей в производство. Им противостояли промышленники и сами рабочие, боявшиеся, что лишатся необходимого подспорья – заработка детей. В результате сторонники регламентации возобладали, и Пруссия в 1839 году ввела закон, разрешавший прием на фабрики и рудники 9-летних детей и установивший для подростков максимальный 10-часовой рабочий день. Однако он почти не применялся. Практическое значение получил закон 1853 года, допускавший детей к работе с 12 лет и сокративший рабочее время 12–14-летних рабочих до 6 часов в сутки. Этот закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции, хотя поначалу и малочисленной, но сдерживавшей произвол силой.

Законы, в определенной мере защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Они оказались более умеренными, чем даже до предела ограниченный прусский. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9–10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869–1871 годах.

Спустя 10 лет после образования объединенного государства, в 1881 году, Бисмарк констатировал в объяснительной записке к одному из социальных законопроектов, представленных в рейхстаг: «Государство должно заботиться о своих нуждающихся в помощи членах больше, чем это делалось до сих пор. Это не только дело гуманности и христианства, которыми должны быть проникнуты государственные учреждения: это также задача политики, стремящейся к укреплению государства, ибо цель ее – внушить неимущим классам населения, которые в то же время и самые многочисленные и наименее обеспеченные, внушить тот взгляд, что государство – учреждение не только необходимое, но и творящее добро. В конце концов, эти классы должны быть приведены путем ясных и прямых выгод, доставляемых им законодательными мерами, к тому представлению, что государство есть институт, изобретенный не только для защиты более обеспеченных, но и служащий также и их нуждам и интересам» [цит. по: Дживилегов, 1910.

С. 121–122]. В 1891 году власти объединенной Германии законодательно запретили работу детей до 13 лет. (Понадобилось 38 лет, чтобы повысить всего на один год возраст детей, допускавшихся к работе в промышленности.) Тогда же, в 1891 году, установили запрет на подземные и ночные работы женщин и ввели обязательный воскресный отдых для всех рабочих и служащих.

Во *Франции* в 1841 году был принят специальный закон, ставший первым в стране документом, сокращавшим в промышленности продолжительность рабочего дня детей и подростков. Однако он был проигнорирован предпринимателями под предлогом, что во многих производствах взрослый рабочий не может обойтись без помощи малолетних, а значит, рабочий день для всех категорий занятых на фабрике должен быть одинаковым. Правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 года установило границы рабочего времени в пределах 12 часов, причем из этого правила допускалось множество исключений. В жизни этот декрет выполнялся так же мало, как и закон 1841 года. В последующие годы фабричное законодательство характеризовалось крайней робостью. Декреты 1851 и 1864 годов давали возможность даже увеличивать дневное рабочее время в некоторых отраслях промышленности.

Состояние грамотности молодежи, выявленное в результате специального обследования и представленное в 1865 году в виде доклада Наполеону III, свидетельствовало, что треть новобранцев не умела читать, 36 человек из 100 вступающих в брак не могли подписать свою фамилию, пятая часть детей школьного возраста вовсе не посещала школу, а посещавшие ее так рано прекращали занятия, что после выхода из школы вскорости почти совсем забывали грамоту [Водовозова, 1920. С. 94].

Однако первые меры исправить его были предприняты лишь спустя десять лет властями Третьей республики. В 1874 году признали возраст в 10 лет как минимальный для приема на работу и уменьшили продолжительность детского рабочего дня до 6 часов, а в 1882 году в качестве важнейшего практического шага было введено бесплатное и обязательное обучение детей 6–13-летнего возраста. В 1892 году был принят «Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях», действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном образовании, и с 13 лет – без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю. Меры регламентации труда не коснулись совершеннолетних рабочих-мужчин вплоть

до 1905 года, когда появился закон, установивший для горняков, занятых на подземных разработках, 9-часовой рабочий день. В следующем, 1906 году Национальное собрание законодательно потребовало обязательного предоставления наемным работникам одного выходного дня в неделю.

Социальные выплаты по болезни, безработице, старости

Впервые закон, обязывавший владельцев фабрик, рудников и каменоломен возмещать материальный ущерб в связи со смертью или увечьем рабочего, если эти последствия наступили по вине предприятия, приняли в Германии в 1871 году. Он имел тот недостаток, что суды, если и хотели, редко могли установить вину администрации. В 1884 году Рейхстаг устранил этот изъян, приняв новый закон, который действовал, однако, только в отношении рабочих промышленности. Но в течение следующих трех лет сферу его применения распространили на транспорт, сельское и лесное хозяйство, морское судоходство, что придало закону универсальный характер. В случае производственной травмы предусматривалась выплата пособия в размере двух третей заработка, а при полной потере трудоспособности – пожизненно. Вдовам назначалась пенсия, составлявшая 60 % от этих двух третей.

Вслед за Германией между 1881 и 1903 годом еще 11 европейских государств (Швейцария, Австрия, Норвегия, Финляндия, Великобритания, Дания, Италия, Франция, Нидерланды, Швеция, Бельгия) ввели подобные законы. Они не были равноценны и последовательны. Например, английский закон не распространялся на предприятия без механических двигателей, не защищал интересы моряков, сельскохозяйственных рабочих, домашней прислуги. В ряде стран страхование от несчастных случаев стало обязательным только после Второй мировой войны (Великобритания и Франция пересмотрели соответствующие законы в таком духе только в 1946 году, а Бельгия и того позже – в 1971 году). Тем не менее гарантии получения пособий приобрело значительное число рабочих, если бы им суждено было стать жертвами производственного травматизма. В 1910 году этот вид страхования охватывал 81 % рабочих Германии, 70 % – Великобритании, 20 % – Швеции и Франции, 11 % – Италии [Вебер, 1986. С. 115].

В границах 1883–1911 годов 10 европейских стран (Германия, Италия, Австрия, Швеция, Дания, Бельгия, Франция, Норвегия, Швейцария, Великобритания) установили страхование по болезни и инвалидности. В Германии им пользовались все рабочие с доходом не выше 2 тыс. марок в год. В случае болезни они имели право 13 недель (с 1903 года – 26 недель) лечиться бесплатно с сохранением половины заработной платы. Государство брало на себя расходы по лечению, а выплата страховки шла через специальные больничные кассы, которые накапливали средства за счет взносов в пропорции: 2/3 от рабочих и 1/3 от предпринимателей. Страхование по инвалидности подлежали все (кроме государственных чиновников и военнослужащих)

наемные работники, достигшие 16-летнего возраста. Размер пенсии по инвалидности устанавливался в пределах 114–415 марок в год, но условием ее получения была предварительная уплата взносов в течение 5 лет.

Принципиально не отличалась система страхования по болезни и инвалидности в Великобритании. Принятый здесь в 1911 году закон о государственном социальном страховании предписывал, что все лица наемного труда от 16 лет и старше могли получать пособие по болезни. Чтобы началась его выплата, следовало в период работы еженедельно уплачивать взносы из расчета: мужчины – 4 пенса, женщины – 3 пенса, предприниматели – 3 пенса за каждого наемного рабочего. Часть средств выплачивало государство. Пособие предоставлялось на протяжении 26 недель в размере 10 шиллингов в неделю мужчинам и 7 шиллингов 6 пенсов женщинам при условии, что они не имели дополнительного дохода свыше 26 фунтов стерлингов в год и не получали средств от других лиц. В случае, когда трудоспособность не восстанавливалась на протяжении установленных 26 недель, назначалось пособие по инвалидности в 5 шиллингов.

В других странах условия получения пособий были примерно такими же. Введение законов о социальном страховании позволило в 1915 году довести число имевших право на пособия по болезни от общей численности работавших до 66 % в Великобритании, 43 % в Германии, 25 % в Швеции, 15 % во Франции, 6 % в Италии [Вебер, 1986. С. 115].

Индустриализация в западноевропейских странах привела к перенасыщению рынка труда, появлению стабильной безработицы. Между 1900 и 1913 годами колебания численности безработных только среди членов профсоюзов находились в диапазоне величин: в Германии – от 1,1 до 6,7 %, в Великобритании – от 2,1 до 7,8 %, во Франции – от 4,7 до 10,2 % [Забастовочная... 1980. С. 63, 72, 98]. Сравнительно высокая занятость, с одной стороны, долго сохранявшаяся практика невмешательства государства в сферу трудовых отношений – с другой, привели к тому, что проблема безработицы позже других стала предметом общественного внимания и рассмотрения властями. Лишь Великобритания в 1905 и 1911 годах, Франция в 1905 году, Дания в 1907 году, Нидерланды в 1916 году и Финляндия в 1917 году приняли соответствующие законы. Но и они мало кому помогали. Инициированный английскими консерваторами в августе 1905 года «Закон о безработных» всего лишь предусматривал государственную поддержку филантропической деятельности и помощь в эмиграции безработных. Когда же либералы в 1911 году провели в жизнь закон о государственном социальном страховании, то включили в него и специальный раздел о пособиях безработным. Условием его получения являлась работа в течение не менее 26 недель в каждом из 5 предшествовавших лет. Фонд пособий формировали за счет средств предпринимателей, рабочих и государства. Предприниматели вносили по 2,5 шиллинга в неделю на каждого работавшего, наемные рабочие – столько же. Парламент ежегодно

выделял сумму, равную 1/3 от совокупного размера взносов нанимателей и работников за тот же год. Само недельное пособие составляло 7 шиллингов. Распространение действия закона только на машиностроение, да и то исключая женщин, привело к сужению круга рабочих, имевших право получать эту мизерную помощь. В 1915 году их было всего 11 % к числу рабочей силы [Вебер, 1986. С. 115].

С конца 80-х годов XIX века в Европе начинают предпринимать меры по оказанию регулярного вспомоществования тем, кто завершил трудовую деятельность. В 1889 году Германия, а за ней Дания, Франция, Италия, Бельгия, Великобритания, Нидерланды и Швеция еще до начала Первой мировой войны ввели пенсионное обеспечение по старости. Для получения пенсии требовалось преодолеть чрезвычайно высокий возрастной порог: в Германии и Великобритании 70, во Франции 65 лет. Но возраст не был единственным ограничением: пенсии выплачивались, если годовой заработок не превышал установленного законами уровня. В Германии он равнялся 2 тыс. марок, во Франции – 3 тыс. франков, в Великобритании – 31 фунту стерлингов 10 шиллингам. Средства пенсионных фондов повсюду складывались из государственных субсидий, отчислений нанимателей и взносов самих работников, причем платить их следовало многие годы, например, в Германии и Франции в течение 30 лет. Сами пенсии были невелики: английский квалифицированный рабочий зарабатывал 35–40 шиллингов в неделю, а пенсия составляла 1–5 шиллингов. В Германии чистая недельная заработная плата в 1908–1914 годах доходила до 28 марок, а пенсию можно было получить в пределах от 0,3 до 3,6 марки.

Заработная плата

Тяжелые условия работы и быта промышленных рабочих не нуждаются в комментариях, но следует оговориться, что не все рабочие жили подобным образом. Никогда рабочий класс не представлял собой гомогенную массу, наоборот, образовывал сложную иерархизированную структуру, отдельные части которой находились в неодинаковом социальном положении и оплачивались по-разному в зависимости от вида и сложности работы. На металлургических заводах Фуршамбо во Франции разница между высшей и низшей заработной платой достигала десятикратной величины [Международное... 1976. С. 173]. Во Франции в период между 1840 и 1893 годами средняя подневная заработная плата увеличилась как у работниц, так и у рабочих-мужчин. Рост заработка последних по отраслям промышленности составил: в добывающей – 2,1 раза; в бумагоделательной, полиграфической и пищевой – 1,9 раза; в текстильном производстве и строительстве – 1,8 раза; в химической и металлообрабатывающей – 1,7 раза [подсчитано по: Бризон, 1921. С. 338]. И хотя цены на продукты питания также возрастали, возможности для удовлетворения жизненных потребностей расширились. Об этом можно судить по расчетам покупательной способности французских

рабочих. При индексе 1810 года, принятом за 100, показатели по следующим годам составляли: 1850 год – 107,5; 1860 – 113; 1870 – 124,5; 1880 – 135; 1890 – 161; 1900 – 181 с тенденцией к дальнейшему повышению [Сови, 1977. С. 240].

Сходная ситуация сложилась и в Англии. Английский рабочий, если он был занят все 52 недели в году, на протяжении XVIII века зарабатывал 15 фунтов 18 шиллингов [Кулишер, 1931. С. 383]. Промышленная революция увеличила его доход. Средняя годовая заработная плата рабочих в 1836 году составила 19 фунтов и в 1886 году 41 фунт 13 шиллингов. Тенденция к росту имела место во всех отраслях. Если индекс заработной платы 1860 года принять за 100, то применительно к 1891 году он находит выражение в следующих показателях: 150 – в горнорудном производстве, 126 – в машиностроении, 160 – в текстильной промышленности, 128 – в строительстве [Ностиц, 1902. С. 428, 429]. Точно так же индексы реальной заработной платы в Германии и США между 20-и годами XIX века и началом 1900-х годов выросли соответственно с 86 до 97 и от 65 до 102 (1900 год = 100) [Кучинский, 1970. С. 153].

Эти данные дают основания сделать вывод, что заработная плата, начиная со ставок, которые обрекали рабочего на глубокую нищету, постепенно возрастала до уровня, обеспечивавшего более или менее достойный образ жизни, тем не менее отстававший от стоимости жизни. В Германии на протяжении 1909–1914-х годов чистая недельная заработная плата рабочих в среднем достигала 28 марок, а стоимость жизни – 31,1 марки [Кучинский, 1949. С. 148]. Вследствие этого в семьях почти 60 % квалифицированных рабочих металлообрабатывающей промышленности, более чем в 80 % – текстильной промышленности и более чем 86 % – в строительстве жена и трудоспособные дети в силу необходимости вынуждены были работать [Зидер, 1997. С. 181]. В несколько лучшем положении находились рабочие США. По данным бюро статистики штата Массачусетс, семье из пяти человек требовалось 14,5 доллара в неделю; нью-йоркское бюро труда соответственно считало, что нужно зарабатывать, по крайней мере, 10 долларов в неделю, чтобы обеспечить минимальные потребности [Ленс, 1976. С. 272]. Фактически в среднем мужчины зарабатывали в 1899 году 11,2 доллара и в 1914 году – 15,4 доллара. Но зарплата женщин соответственно равнялась 6 и 8,2 доллара [Кучинский, 1948. С. 289]. Во многих случаях меньше прожиточного минимума получали рабочие-афроамериканцы, оплата труда которых в 1911 году в зависимости от отрасли промышленности находилась в пределах 10,6 – 12,3 доллара [Шлепаков, 1966. С. 57–58].

Рабочие на протяжении десятилетий выдвигали экономические требования. Одним из доминирующих мотивов стачек было стремление гарантировать минимум и увеличить размер заработной платы, обеспечить своевременную ее выплату, повышение расценок по сверхурочным работам, отмену штрафов и всякого рода произвольных удержаний. Повышение оплаты труда

было одной из целей 95,5 % стачек в Германии, проведенных в 1899–1914 годах [подсчитано по: Забастовочная... 1980. С. 76]. Другие страны, в том числе Англия, в этом отношении не составляли исключения. Начавшаяся в январе 1912 года забастовка английских горняков, желавших установления твердого минимума зарплаты, охватила все шахты и миллион рабочих. Это был крупнейший в истории страны трудовой конфликт. Давление со стороны рабочих способствовало не только росту оплаты труда, но и осознанию правительством необходимости влиять на этот процесс. Великобритания первая ввела принцип регулирования заработной платы – сначала в отдельных отраслях промышленности (1909), а затем на угольных шахтах (1912). В 1918 году практику регулирования зарплат распространили еще на ряд отраслей, в результате чего примерно полтора миллиона трудящихся страны получили гарантированный минимум заработной платы [Брентано, 1930. С. 361, 365]. В 1908 году парламент принял билль об ограничении времени работы горняков под землей, включая спуск и подъем, 8 часами, а сверхурочные – 60 днями в году. Для остальных рабочих 8-часовой рабочий день официальное признание получил после Первой мировой войны.

Жилищная политика

На протяжении XIX – начала XX века жилищные условия большинства промышленных рабочих не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. Хотя было бы ошибочным думать, что все рабочие жили в таких условиях. В большинстве случаев жилища были перенаселены. Если под последним понимать проживание в каждой комнате, включая кухню, более двух человек, то в перенаселенных квартирах обитали: в Познани – 53 %, в Дортмунде – 41 %, в Дюссельдорфе – 38 %, в Аахене и Эссене – 37 %, в Бреслау – 33 %, в Мюнхене – 29 %, в Кельне – 27 %, в Берлине – 22 % рабочих [Кучинский, 1949. С. 189]. Мало чем отличались жилищные условия французских рабочих. В 1884 году рабочие, приглашенные участвовать в парламентском изучении жилищного вопроса, рассерженно говорили о грязных, набитых людьми, как рыбой в бочке, клетушках. В целом перенаселены были 55 % квартир в Париже, 60 % в Лионе, 75 % в Сент-Этьенне [Кучинский, 1950. С. 173]. В Англии и Уэльсе, по данным за 1893 год, в переполненных квартирах жили более 11 % населения. Несмотря на это, была распространена «сдача коек постояльцам», практиковавшаяся семьями, снимавшими частные квартиры, что помогало вынести бремя арендной платы. В Лондоне встречались объявления о сдаче части комнаты, причем мужчина, служивший днем, и девушка – прислужкой в гостинице ночью, должны были пользоваться одной постелью [Ностиц, 1902. С. 577].

Осознание обстоятельства, что хорошее жилье является одной из основ социального мира, побуждало городские власти к расширению муниципального строительства. К концу XIX века внешний вид промышленных

городов, населенных преимущественно рабочими, резко изменился. Сносились трущобы. Улицы избавились от грязи и лачуг, на месте которых возводили большие каменные дома. Все большее количество жилищ концентрировалось в руках муниципалитетов, которые, в отличие от частных владельцев, лучше следили за их благоустройством. В крупнейших городах начали разбивать парки. Усовершенствовали системы отопления и освещения, водопровода и канализации.

В Париже первый комплекс коммунального недорогого жилья с помпезным названием «Город Наполеона» ввели в 1851 году. Самая просторная из имевшихся квартир включала большую общую комнату, спальню с каминном и маленькую кухню, одновременно служившую прихожей. Туалет и умывальник размещались в общем коридоре, имелись прачечная и помывочная. Лестничные пролеты убирался специальным работником. По заявкам жильцов врач по утрам давал бесплатные консультации, а в случае необходимости совершал визиты на дом [A History... 1990. P. 399–400]. Однако попытки расселения в таких домах зачастую наталкивались на сопротивление самих рабочих. Причиной являлась строгая регламентация порядка проживания, контроль над частной жизнью квартиросъемщиков. В 10 часов вечера входные двери закрывались на замок, и никто не смел выходить из своей квартиры на улицу позже этого времени [Водовозова, 1920. С. 145].

В Великобритании в 60–90-х годах XIX века приняли ряд законов, предусматривавших реконструкцию или снос непригодных для проживания домов. Домовладельцы саботировали их, но определенные сдвиги произошли. Муниципалитеты сносили старые кварталы и строили новые дома, однако муниципальное строительство было незначительным: Совет Лондонского графства к 1908 году построил только 7 880 квартир – ничтожное количество с учетом численности населения. Строительство велось и акционерными обществами, возведенные ими дома были более комфортными.

Созданием более благоприятных жилищных условий для рабочих начали заниматься фабриканты: промышленники поняли преимущества сохранения стабильной рабочей силы и патерналистского подхода к своим рабочим. Во Франции первыми среди индустриальных компаний стали обеспечивать своих рабочих семейными домами угольные шахты. В Великобритании начало фабричному жилищному строительству положил владелец фабрики по производству мыла Левер, который в 1887 году перенес свое предприятие в окрестности Ливерпуля и построил «образцовую деревню» из домов коттеджного типа для рабочих. Его примеру последовали и другие промышленники [Брюсов, 1926. С. 87–88, 100]. Все они руководствовались не столько филантропическими побуждениями, сколько трезвым расчетом: лучшее жилье способствовало интенсификации труда, привязывало рабочих к фабрике, сдача домов внаем сама по себе приносила прибыль.

Строили дома для рабочих и крупные предприниматели Германии. В Рурском бассейне в 1914 году 35 % шахтеров жили в квартирах, принадлежавших рудникам [Зидер, 1997. С. 165]. За фабричную квартиру платили меньше, чем за частную. Но в этом случае рабочие попадали в полную зависимость от предпринимателей. Арендные договоры содержали предостережение об изъятии квартиры за участие в стачках. Семейство Круппов, предоставляя своим работникам квартиры, школы, лечебницы, предприятия бытового обслуживания считало вправе распоряжаться их нерабочим временем и вмешиваться в частную жизнь. Альфред Крупп, с 1848 по 1887 год возглавлявший знаменитую фирму «Фридрих Крупп из Эссена», издал приказ «Людям моего завода», в котором утверждал, что к числу рабочих мест каждого преданного фирме работника относится и его, работника, брачное ложе. Всякий сознательный крупповец, утверждалось в приказе, должен стараться полностью обеспечить государство верноподданными и дать своему заводу особый, нужный ему сорт людей [Манчестер, 1971. С. 129]. В Германии подобное отношение к жившим на зарплату было распространенным явлением¹.

Поворот церкви к социальным проблемам светского общества

Глава католической церкви Лев XIII (1878–1903) первым стал рассматривать в качестве одной из целей своего понтификата устранение конфликта между церковью и обществом. В ряде энциклик (1885, 1888, 1890 годы) он определил новую социальную политику Ватикана. Церковь и государство характеризовались как составные части общего мирового порядка, из чего следовал вывод о необходимости действовать во взаимном согласии друг с другом. Папство, отказавшись от борьбы с ними, пошло на сближение с государством и обществом, обратилось к социальным проблемам. В 1891 году Лев XIII обнародовал энциклику «*Rerum novarum*» («О новых вещах») по рабочему вопросу. Папа признал, что рабочие «принесены в жертву жестокосердию хозяев и их безудержной алчности», а «горстка богачей надела рабочее ярмо на огромную массу пролетариев» [цит. по: Майка, 1994. С. 296].

¹ В 1895 году во Франкфурте старинное и богатое страховое общество распространило циркуляр: «В последнее время учащаются случаи, когда молодые служащие, получающие небольшое жалованье, достаточное только для своего прокормления, вступают в брак. Решение основать семью, имея небольшие средства, очень скоро приводит к самым печальным последствиям. В доме появляется нужда, неизбежны денежные затруднения, а домашние заботы лишают служащих возможности исполнять свои обязанности, как того требуют наши интересы, не говоря уже о том, что вследствие такого неблагоприятного образа действий к нам то и дело предъявляются требования о повышении жалованья, кои удовлетворить мы, естественно, не в состоянии. Сим постановляем поэтому, чтобы каждый молодой служащий, намеревающийся вступить в брак, заблаговременно докладывал нам об этом своем намерении, дабы мы имели возможность взвесить, будем ли мы впредь нуждаться в его услугах» [цит. по: Фукс, 2001. С. 310].

Социальную политику Ватикан противопоставил становившимся все более популярными социалистическим взглядам преобразования общества. Ее субъектами должны были выступать церковь, государство и профессиональные союзы. В этой триаде церковь, выполняя функции учителя, воспитателя и носителя христианской идеи любви к ближнему, должна была добиваться сплочения общества и улучшения материального положения всех его членов. Поэтому ей рекомендовалось участвовать в общественной деятельности. Государству следует заботиться о благополучии всех граждан и в первую очередь о наиболее нуждающихся, коими являются рабочие. Объектом государственного вмешательства в дела граждан, по утверждению энциклики, являются такие сферы, как защита частной собственности, проблема занятости, материальные и духовные условия труда, защита прав женщины и ребенка, вопросы трудовых соглашений и оплаты труда, формирование широкого слоя собственников. Рабочие, в свою очередь, имеют право на создание свободных и независимых от государства профсоюзов, призванных укрепить их социальное положение, способствовать удовлетворению конкретных нужд, обеспечивать защиту интересов. Но эти задачи профсоюзы решат, лишь отказавшись от разжигания классовой ненависти и встав на путь взаимопонимания и сотрудничества между рабочими и работодателями. Лишь при этом условии будут стабилизированы общественные отношения в целом.

Обнародованием энциклики «*Rerum novarum*» Ватикан признал, что капитализм воплощает социальную несправедливость и нуждается в преобразованиях, от которых церковь не может уклониться. В связи с этим католики призывались к участию в совершенствовании капиталистического строя в какой бы то ни было роли: общественного и политического деятеля, члена или руководителя церкви, просто гражданина своей страны. Эти общие начала социальной политики церкви нашли отклик в широких кругах католиков, дали им ориентиры в общественно-политической деятельности, которая разворачивалась по различным направлениям. Получило мощный импульс христианское профсоюзное движение. В 1893 году христианские профсоюзы возникли в Австрии, в 1894 году – в Германии. В 1908 году на первый Международный конгресс собрались христианские профсоюзы восьми стран: Австрии, Бельгии, Германии, Голландии, Италии, России, Швейцарии, Швеции. Развернулась работа в женской среде через ряд специализированных организаций, имевших свои отделения в разных странах, деятельность которых приобрела международный масштаб. Среди них – «Всемирная ассоциация молодых христианских женщин» (1894), «Международная католическая ассоциация обществ защиты девушек» (1897), «Международный союз женских католических лиг» (1910).

Социальной поддержкой неимущих активно занимались различные филантропические организации. В разных странах Европы возникло множество благотворительных учреждений, детских приютов и яслей, богаделен,

обществ взаимопомощи, страховых касс для выплаты пенсий престарелым рабочим. Правительство пыталось организовать врачебную помощь городскому и сельскому населению. Среди них широкую известность и авторитет завоевала примыкавшая к методистской общине религиозная организация, основанная в 1865 году в Лондоне Уильямом Бутом при активной поддержке его жены Екатерины. После нескольких переименований эта организация с 1878 года стала известна как Армия спасения.

Создавая ее, Бут взял за образец английские армейские порядки. Армия спасения руководствовалась специальным уставом, в ней предусматривались звания – от солдата до генерала (им был сам Бут), форма сине-красного цвета, имелось знамя, соблюдались ритуалы по случаю принятия «обета бедности», посвящения в солдаты или офицеры и тому подобным поводам. Армия спасения делилась на корпуса (приходы) и дивизии, которые действовали в заранее определенных местностях. В Англии, а затем и в других странах, выходила газета «Военный клич». Военизация религиозной организации объяснялась составом участников и условиями ее деятельности. С одной стороны, в Армию вовлекались многие из перевоспитавшихся представителей асоциального мира, с другой же – действовать им приходилось в среде маргиналов, преодолевая, подчас физическое, сопротивление трактирщиков, содержателей притонов и им подобных противников миссионерской работы Армии. Все это побуждало к созданию иерархизированной структуры со строжайшей дисциплиной, неукоснительным подчинением младших по званию старшим.

Вступившие в Армию рядовые могли заниматься прежней деятельностью, но обязаны были по мере сил содействовать ее успехам, распространять издания, присутствовать на собраниях и к тому же отрешиться от светских удовольствий, «безнравственного» чтения и т. п. Офицеры полностью посвящали себя работе в Армии, получали жалованье в размере 15–27 шиллингов в неделю. В их обязанности входило вести пропаганду в пользу Армии, еженедельно устраивать митинги, ежедневно посещать на дому бедных, больных, социально униженных, если даже для этого приходилось проникать в притоны. Необходимо было также собирать статистические сведения, проводить сбор пожертвований. В 1880 году для подготовки офицеров были открыты мужская и женская кадетские школы. Признание идеи равноправного положения женщин привело к тому, что женщины составляли более половины офицерского состава Армии.

Армия спасения главную цель видела в пробуждении и спасении как можно большего количества заблудших душ, возвращении их к религиозным идеям. Для достижения «спасения» рекомендовались раскаяние, молитва, отречение от греховной жизни, наконец, посвящение себя попечению о бедных и работа на пользу Армии. Бут и его Армия исходили из того, что нельзя думать о спасении душ людей социального дна, если не позаботиться об улучшении их жизни. Поэтому существенную часть деятельности Армии

спасения составляли акции милосердия. В 70–80-х годах XIX века она основала множество благотворительных учреждений. К концу 80-х годов Армия в одном только Лондоне имела несколько столовых и 3 «склада дешевой пищи», во время знаменитой стачки докеров 1889 года Армия устроила множество дешевых кухонь, где за ничтожную плату или вообще даром многие тысячи детей были спасены от голодной смерти. Армия основала больницу для алкоголиков и ясли для бедных детей. Ей принадлежали 5 дешевых ночлежных домов, 33 убежища для бывших проституток и одно для освобожденных из тюрем, спичечная фабрика, несколько мастерских, бюро труда, подыскивавшее места безработным. В ночлежных домах и прибежищах не было полутюремного режима государственных работных домов. В них потерявшие жилье и работу могли за небольшую плату получить пристанище и пищу, а отсутствие денег возместить работой в мастерских.

Армию патронировал принц Уэльский – будущий король Эдуард VII. Уже с 90-х годов Армия пользовалась правительственными субсидиями, но основные средства на содержание приютов, ночлежных домов, пунктов питания собирались за счет частных пожертвований. Подписка в пользу Армии спасения только в первой половине 1891 года дала более 113 тыс. фунтов стерлингов. Кампании Армии спасения подчас приобретали общенациональный масштаб. В 1884 году Екатерина Бут организовала движение в защиту молодых женщин, вовлекаемых в проституцию. Обращение в парламент собрало 343 тыс. подписей, оно не осталось без ответа: был принят закон, предусматривавший тюремное заключение за совращение девушек моложе 16-летнего возраста. Широчайший резонанс получила вышедшая в 1891 году книга У. Бута «В трущобах Англии».

Стремление Уильяма и Екатерины Бут к преодолению социальных конфликтов ненасильственными методами, их христианское представление о человечестве как общем братстве людей вне зависимости от места обитания, опыт филантропической работы в Англии – все это интернационализировало деятельность Армии спасения. С 1880 года ее корпуса и дивизии функционировали во многих странах мира. США стали первой зарубежной территорией, освоенной ею. Накануне Первой мировой войны более 79 тыс. офицеров Армии работали в 59 странах мира. В ее ночлежных домах, приютах, больницах, школах насчитывалось свыше 39 тыс. постоянных мест [Остапенко, Чернышева, 1993. С. 104]. С годами ее деятельность приобретала все больший размах.

Таким образом, на протяжении XIX века в Европе начинает формироваться социальная политика, предусматривающая улучшение положения населения европейских стран. Острота социальных проблем подталкивала правительства озаботиться изысканием способов сохранения гражданского мира в своих странах. В 1890 году германский император Вильгельм II обратился к главам других государств с предложением созвать конференцию по

охране труда. Она состоялась в марте 1890 года в Берлине с участием Германии, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Австро-Венгрии, Швейцарии, Испании и Португалии.

Конференция признала желательным запрещение труда детей до 12, а в южных странах – до 10 лет, установление для детей до 14 лет 6-часового и от 14 до 16 лет – 10-часового рабочего дня. Посчитали необходимым, чтобы дети до поступления на производство получили начальное образование. Решили рекомендовать введение для женщин рабочего дня не более 11 часов, а также предоставления им месячного послеродового отпуска. Признали недопустимой работу женщин и детей по воскресеньям и ночью. Относительно взрослых мужчин посчитали достаточным предоставлять им воскресный отдых. Согласились с тем, что контроль за охраной труда должны осуществлять лица, независимые как от предпринимателей, так и рабочих.

Десять лет спустя, в 1900 году, в Париже был образован международный союз охраны труда, который провел ряд международных конгрессов с целью выработать единые рекомендации по трудовому законодательству. После окончания Первой мировой войны, в 1919 году, в составе Лиги наций возникла Международная организация труда.

В конкретном плане новая социальная политика связывалась с установлением предельных норм рабочего времени, а именно: 8 часов для всех категорий рабочих¹, 6 часов ежедневного труда подростков и девушек до 18 лет, прием на работу детей с 14 лет, запрещение ночных смен женщин и несовершеннолетних, прекращение выдачи заработной платы товарами, предоставление отдыха по церковным праздникам, установление еженедельного выходного дня всем работающим и непрерывного 36-часового отдыха женщинам, а также предоставление им 2 недель до и 4 недель после родов, учреждение фабричных инспекций там, где работали женщины. Впервые осуществленные мероприятия предусматривали регулирование продолжительности рабочего времени, которая, достигнув максимума в 40-х годах XIX века, начала сокращаться. Средняя рабочая неделя европейского рабочего составляла в 1850 году – 84 часа, в 1870 – 78 часов и в 1910 – 60 часов [Кучинский, 1970. С. 136]. Это уменьшение явилось следствием изменения взглядов на проблему границ рабочего дня и формирования в связи с этим соответствующей государственной социальной политики.

¹ Поначалу рабочие соглашались на 12-часовой рабочий день и лишь со временем начали добиваться его сокращения. В Англии движение за 10-часовой рабочий день уже в 1830 году охватило рабочих всех фабричных районов страны, а прядильщики хлопка намеревались начать 1 марта 1834 года всеобщую забастовку с намерением заставить предпринимателей ввести 8-часовую работу. С 80-х годов это требование стало одним из главных в забастовочном движении европейских стран. Не сразу эта борьба привела к реальному результату, но последовательно подтачивала сопротивление буржуазии и правительств, пока не вынудила их к законодательной регламентации трудовых отношений.

Европейские парламенты и правительства увеличивали ассигнования на жилищное строительство, здравоохранение, образование и науку, социальное страхование и обеспечение. В общей сумме государственных расходов затраты на эти нужды выросли с 1890 по 1913 год в Англии с 20,9 до 33 % и в Германии с 25,5 до 30,5 %. Среди этих выплат появились и ранее не известные обществу страхования: от несчастных случаев на производстве, по болезни, по безработице, пенсии для престарелых. Отдельные направления социальной политики, такие как помощь бездомным, сиротам, деклассированным, были областью деятельности многочисленных филантропических организаций. В целом все это не могло не сказаться на социально-демографической ситуации. В период с 1800 по 1900 год смертность в европейских странах в среднем сократилась вдвое, а продолжительность жизни увеличилась с 35 до 50 лет [История Европы... 2000. С. 26]. Сложилась прочные предпосылки увеличения численности населения. А это в свою очередь стало одним из факторов становления индустриальных государств.

Социальные пособия конца XIX – начала XX века были недостаточными как по размерам, так и по охвату ими трудящихся. Неудивительна поэтому та критика, которой подвергали систему социального страхования на заре ее существования. Во Франции только 7 % рабочих доживало до пенсионного возраста – 65 лет. Парламентская фракция социал-демократов в германском Рейхстаге неизменно голосовала против социальных законов, считая их неудовлетворительными. Один из основателей и руководителей Фабианского общества Сидней Вебб писал, имея в виду социальную сферу: «Если в 1897 г. мы и замечаем многосторонний прогресс по сравнению с 1837 г., то все-таки нельзя слишком гордиться этим» [Вебб, 1899. С. 5]. И тем не менее первые законы о разного вида социальной помощи заслуживают позитивной оценки. Их значение состоит не столько в предоставлении некоторых минимальных гарантий выживания в экстремальных для людей ситуациях, сколько в создании прецедента и базы для дальнейшего расширения сферы социального страхования, последующего расширения трудовых прав, их распространения на новые группы работников. Первоначальные законодательные акты в дальнейшем дополнялись и совершенствовались, пока уже в XX столетии не сложилась эффективная система социальной защиты населения.

Список литературы

Брентано Л. История развития народного хозяйства Англии: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. III. Ч. I.

Бризон П. История труда и трудящихся. Пг.: Госиздат, 1921.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3.

- Брюсов А.* Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой, 1926.
- Вебб С.* Положение труда в Англии за последние 60 лет. СПб.: Ф. Павленковъ, 1899.
- Вебер А. Б.* Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX–XX вв. М.: Наука, 1986.
- Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Французы. М.: Б. и., 1920.
- Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М.: Соцэкгиз, 1937.
- Джзвивилегов А. К.* История современной Германии. СПб.: Брокгауз-Ефронъ, 1910. Ч. 2.
- Джонстон У.* Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века, (1851 г.) // Лавровский В. Английский капитализм во второй половине XIX века: История в источниках. М.: Госиздат, 1925. С. 44–48.
- Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX – 70-е годы XX в.* (Статистика). М.: Наука, 1980.
- Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
- История Европы.* С древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М.: Наука, 2000.
- История Ирландии.* М.: Мысль, 1980.
- Кертман Л. Е., Рахимир П. Ю.* Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков. М.: Высшая школа, 1984.
- Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. Т. 2.
- Кучинский Ю.* История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М.: Прогресс, 1970.
- Кучинский Ю.* История условий труда в Германии (1800–1945). М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
- Кучинский Ю.* История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.
- Кучинский Ю.* История условий труда в США с 1789 по 1947 г. М.: Изд-во иностр. лит., 1948.
- Ленс С.* Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М.: Прогресс, 1976.
- Майка Ю.* Социальное учение католической церкви. Рим; Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994.
- Манчестер У.* Оружие Круппа: история династии пушечных королей. М.: Прогресс, 1971.
- Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории): В 7 т. Т. 1.* Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М.: Мысль, 1976.
- Ностиц Г.* Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1902.
- Орлова Н. Е.* Становление государственной системы начального образования в Англии (конец XVIII – 60-е годы XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск: БГУ, 2002.
- Остапенко Г., Чернышева О.* Армия спасения в прошлом и настоящем // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1993.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Г. А. Дидерикс, И. Т. Линдبلاد, Д. И. Ноордам и др. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1998.

Петряев К. Д. Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии, Ирландии и США. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1958. Ч. I.

Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции: В 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2.

Сови А. Общая теория населения: В 2 т. М.: Прогресс, 1977. Т. 1.

Фукс Э. Erotica. Буржуазный век. Конвейер удовольствий. М.: Диадема-Пресс, 2001.

Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999а.

Хобсбаум Э. Век Капитала. 1848–1875. Ростов н/Д: Феникс, 1999б.

Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М.: Мысль, 1966.

Шлепнер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 9 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1.

Booth Ch. Life & Labour of the People in London. First series. Vol. 2. New York, 1970.

A History of Private Life / Aries Philippe and George Duby (Ed.). Vol. 4. From the Fires of Revolution to the Great War / Perrot Michelle (Ed.). Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990.

Ирина Ромуальдовна Чикалова
д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории,
Белорусский государственный педагогический университет, Минск
электронная почта: ira@chikalova.belpak.minsk.by
irina_chikalova@mail.ru
